

РОК-БАРОМЕТР

Жизнь и творчество Юрия Наумова
1930-1990

Н

АУМОВ начинал в 1982 году в Новосибирске — работал с электрической группой «Проходной двор». Потом дал деру в Ленинград («мама, против нас нынче вся королевская рать»), перешел на акустику, все больше кренясь к блюзовой стилистике, все чаще играя для избранной аудитории по флэтам.

Каким-то мистическим образом Наумов умудрился сформировать своего собственного, не похожего на обычного тусовщика слушателя — от поклонников

«Led Zeppelin» и эстетики пост-хиппизма до миловидных девушек из школ со специальным филологическим уклоном. Ситуация его «квартирников» совершенно нетипична. Например, все во главе с самим Наумовым катастрофически трезвы. Все, кроме Наумова, не решаются пошевелиться даже в момент настройки. Наумов довольно агрессивно настаивает на серьезном отношении к собственному творчеству, и, как на уроке грозного, но справедливого учителя, ученики старательно сдерживают дыхание.

По его песням можно попробовать нарисовать портрет или написать биографию Юры. Я не знаю никаких подробностей его жизни, но могу предположить, что родился он в интеллигентной семье и рос типичным, начитанным и не слишком здоровым физически ребенком. Дальше, наверное, произошло как в сказке про Короля Дроздоборода, когда капризную, изнеженную во дворце принцессу заставили выйти замуж за первого встречного бродягу и владеть с ним вполне убогое существование. В сказке все обернулось хэппи-эндом — в жизни же неминуемо случился разлад между красочным литературным внутренним миром и серой будничностью существования. Закончилось, как для всякого интеллигента: рефлексией, мучительным сознанием собственной вины

В Америку с блюзами

Все это у Наумова вытекло вставляющую манерную песню русского городского интеллигента, похожую на бесконечные, по кругу, разговоры с друзьями на кухне. Эффект узнавания сплавивает слушателей. Они знают все то же, что знает Наумов, его проблемы близки им, но выражаются он на языке блюза и поэзии, чего им не дано.

У Наумова тысяча недостатков. «Наум». Два пишем, три на ум пошло. Маса всякой всячины пошла ему на ум. Ни одна там не залежалась. Вся ушла в песни. Он абсолютный интраверт, полностью и целиком в себе закольцованный. Но человек со стороны, имеющий уши и желание, может вступить в круг и получить там, внутри, море кайфа.

С Наумовым нельзя говорить о чем-либо, кроме его музыки. При этом желательнее хвалить, так как он зверски самолюбив. Но если выскажешься честно, в ответ не услышишь: «Пошел вон, не тебе меня учить». Эффект категорически иной. Например, в «Советской культуре» мы с Соколянским написали о нем: «Его выступление — чрезвычайно красивое, необычное по технике владения гитарой, выдающее талант — слегка отдавало интеллектуальным эквилибром». Реакция Наумова: «Марина, приходи на концерт. Ну что — снова не так? Приди еще. Нет? Еще».

В его песнях очень силен элемент дидактики, нравоучительства, патетики и сентиментальности. Это несовременно. И отталкивает. Кроме того, композиции Наумова почти лишены иронии. «Нас несколько сот, что у самого рва (ну и самомнении!), но у нас был насос, и мы качали права». Станный, мрачноватый и точный юмор редок. А жаль.

Концерты Наумова тяжелы для восприятия — они длятся до трех часов (слава богу, с антрактом), однообразны по атмосфере и настроению. Ему не так важен смысл, как игра созвучий. Он упивается прихотливой гитарой и поэтической вязью и пробует напоить вас ею, в упор не замечая, что вы давно уже пьяны и в отключке: «Я попытаюсь допеть свой монотонный звук и свой не слишком гладкий стих, мне б не хотелось, чтоб он стих...»

Он катастрофически работоспособен. Почти физически ощущаешь, какого напряжения стоило ему стать хорошим блюзовым гитаристом, с каким упорством он писал, вымарывал и снова подбирал слова. Эта видимая работа, ее холодность, рациональность, с одной стороны, отталкивают (божий дар не так кропотлив), с другой — внушают уважение, отличают Наумова от большинства талантливых разгильдяев — музыкантов «моего романа».

28 октября 1990 года Юрий Наумов уехал в Америку — навсегда — и увез с собой все свои недостатки. У нас говорят, что недостатки — продолжение достоинств. Так ли в Америке — не знаю. Ехать в Тулу со своим самоваром или в Америку с блюзами — занятие вряд ли коммерчески успешное. Хотя о коммерции Наумов никогда не пекся. На са-

мом деле я люблю Юру и виновата в том, что не написала о нем до того, как он нас оставил. Оставив нам свои песни:

Сокращенные до взвoda, наши славы полки, пробираясь к небосводу, прошибали потолки,

Но от истинной свободы далеки...

Мы проснулись сквозь тучи, не успев и обалдеть, как на нас свалилась куча неопознанных идей,

Неопознанных летающих идей...

Мы хватали их руками и, на нитки нанизав, вниз слезали, но зенитки дали снизу первый залп,

Ну а сверху разразилась гроза...

И со страху холодея, мы не знали, что рука в сиську пьяного халдея дотянулась до курка.

Кто мог знать, что это будет на века!

Убегай прочь, убегай, пока ты жив,

Если выжить не надеешься во лжи.

Рвись отсюда со всех жил, ну а мне сломали жизнь,

А иначе б я сказал тебе: Бежим.

Марина ТИМАШЕВА.